

Световое пятно внезапно затряслось, и призрачный силуэт Ван Цзяна замерцал:

— Времени почти не осталось. Небесное Дао этого мира выследило меня, нужно срочно уходить и искать оболочку для вселения.

Ван Яо хмыкнула:

— Ишь ты, сразу вселение? Этот мелкий комочек оказался похлеще меня!

Душа Ван Яо, укутанная в светящийся сгусток, парила в непроглядной тьме хаоса. Прорвавшись сквозь вязкие барьеры пространства и времени, они очутились в древнем, величественном мире. Ведомые зовом потоков удачи, они приземлились в роскошном дворце.

Глазурованная черепица под солнцем отливала золотом, на изогнутых карнизах застыли мифические звери, сжимающие в пасть жемчужины, а косые лучи света падали на балюстрады из белого нефрита, высвечивая искусную резьбу в виде лотосов. Снующие туда-сюда служанки вдыхали жизнь в это застывшее великолепие. Ван Яо заметила нескольких юношей с нежной кожей — совсем еще дети, но одетые в форму евнухов.

— Эх, какое расточительство! — вздохнула Ван Яо.

Миновав девятиметровые алые ворота, они оказались перед изваяниями львов из позолоченной бронзы. В их глазах сверкали рубины, а в завитках грив искрилось сусальное золото. Когда дул ветер, золотые колокольчики на ошейниках львов мелодично звенели, заставляя покачиваться фонари под галереей. Фонари были обтянуты тончайшим шелком, но каркасы их были из чистого золота, украшенные узорами драконов и фениксов — издалека они казались россыпью золотых круп.

Колонны главного зала были такой толщины, что двое не смогли бы их обхватить. Обвитые ярко-желтым парчовым шелком, они были инкрустированы малахитом и лазуритом. Под потолком громоздились девятиуровневые своды, на каждом ярусе которых красовались золотые драконы с чешуей, покрытой золотым порошком, и глазами из обсидиана — в мерцании свечей казалось, что они вот-вот взмоют в облака. Пол был выложен золотыми кирпичами, в которых отражались люди, а хрустальные люстры на золотых колоннах заливали светом трон из сандалового дерева.

— Ох, так и хочется всё это скovyрнуть и забрать с собой! — Ван Яо была бедна.

У нее не было секты, не было могущественного покровителя. В ее демонической секте состояла лишь она сама, а остальными были обычные люди. Редкие культиваторы, прибывавшие к ней, были выходцами из праведных сект, которые ничем не могли помочь. Поэтому она развивала торговлю, чтобы заработать деньги.

Не спрашивайте, почему праведники шли к ней. Во-первых, у бродячих культиваторов не было ни влияния, ни пристанища. Во-вторых, хотя Ван Яо и ступила на путь демона, сделала она это

ради спасения людей. Взять хотя бы ее знамя десяти тысяч душ: внутри него томились души, погубленные монстрами или злодеями. Этим душам было некуда податься, и, если их оставить в покое, они могли озлобиться, превратиться в чудовищ и в итоге погибнуть от рук праведников. Разве они виноваты? Ван Яо хотела их спасти, но праведники не могли помочь ни им, ни простым людям, страдающим от бедствий.

Ван Яо стала демоном не только из-за спасения людей, она не была святой. Просто однажды, во время странствий с сектой, она попала в деревню. Местные жители смотрели на них как на освободителей, несущих долгожданное избавление. Их восторг, надежда и благодарность... Это тронуло сердце Ван Яо, тосковавшей по дому. А потом ее старший соученик приманил монстров, которые вырезали всю деревню, после чего, испугавшись, активировал массив перемещения и сбежал, бросив всех остальных.

Ван Яо тогда оцепенела. В голове крутились образы из фильмов о войне, которые она видела в прошлой жизни, и гибель тех невинных людей. А потом она узнала, что ее соученик привел монстров ради какой-то «яйца»... Она бросилась обратно, но увидела лишь кровавое месиво и разбросанные останки.

Есть такая поговорка: познается в сравнении. Когда Ван Яо сравнила свое присутствие с образом освободителей из своего мира, ее падение во тьму стало неизбежным. Стоя в мертвой деревне, она стала демоном. Она создала знамя десяти тысяч душ — знамя, принадлежащее ей и этим людям. Она спасала деревню за деревней, и ее знамя росло. Так и появилась ее секта: десятки деревень и городов, получивших ее помощь, добровольно объединились и провозгласили ее своим Повелителем. Поэтому никто и не решался нападать на ее секту. Даже если забредал случайный культиватор, видя патрулирующих стены обычных людей, он...

В мире совершенствования сложилось негласное правило: демонов убивать можно, но секту Ван Яо — нельзя!

На троне, устланном шкурами белых лис, сидела красавица. Свет, проникающий сквозь витражи, золотил ее фигуру, но Ван Яо и Ван Цзян знали — она далеко не святая.

Ван Цзян во все глаза рассматривал убранство:

— Какая роскошь. Вполне подходит матери государства.

Служанки в расшитых золотом одеждах проходили мимо, и казалось, что фениксы на их подолах оживают. Они даже не заметили, что их госпожа сменила сущность. В глубине покоев, прогретых ароматом благовоний, на туалетном столике стояло зеркало, отполированное до блеска.

Ван Яо, полулежа на кушетке, машинально коснулась пальцами заколки-феникса. В трех крупных рубинах на ее голове отражалась холодная жестокость, затаившаяся в ее глазах.

— Тц-тц, хранить яд в ногтях — это безумие. Неужели она не боялась отравиться сама? — Ван

Яо подняла мизинец, разговаривая с Ван Цзяном.

Женщине было около сорока. Ее лицо, покрытое пудрой из жемчуга, казалось безупречно белым, скрывая мелкие морщинки у глаз. Но если присмотреться, под этой маской проступала серость от постоянных интриг и расчетов.

— Не зря говорят, что у нее лицо сладкое, а сердце ядовитое, — прошептал Ван Цзян. — В этом гареме она погубила немало людей.

Ван Яо поджала губы, накрашенные ярко-красной помадой:

— Она даже перед делами двора не остановилась. Если уж ты такая способная, почему не прикончила старого императора и не взошла на трон сама? Зачем изводить верных чиновников?

Ван Цзян удивленно округлил глаза:

— В мире, где правят мужчины, женщина тоже может стать императором?

Ван Яо усмехнулась:

— Конечно. Если не хочешь править сама, почему не стать вдовствующей императрицей, когда сын взойдет на престол? Зачем устраивать эти дворцовые склоки? Старый император — тот еще овощ. Если уж нравятся молодые мужчины, дождись воцарения сына и приводи их во дворец, разве это не лучше?

Ван Цзян не понимал:

— Не знаю.

Ван Яо посмотрела на лаковую шкатулку с украшениями.

— Ради таких сокровищ можно и потерпеть, — хмыкнула она.

В ее секте этих богатств хватило бы на целый год жизни для всех. Ван Цзян молча показал ей большой палец. Не зря она демоница — даже в такое тело вселилась без тени брезгливости.

Ван Яо улыбнулась своему отражению. Женщина в зеркале тут же приняла кроткий, добродетельный вид — именно так она выглядела перед императором последние тридцать лет. Но за этой улыбкой скрывалась тьма, а в памяти всплывало содержание сожженного накануне письма от старого цензора, который посмел просить за народ. Теперь и он, и его письмо стали пылью под стенами дворца.

Ван Яо вздохнула: если бы она пришла на два дня раньше, его можно было бы спасти. Она коснулась заколки, и в тишине комнаты ее тихий смех прозвучал подобно шипению змеи. В

этом роскошном дворце, похожем на небесный чертог, было погребено слишком много невинных душ.

— Неплохая оболочка, — Ван Яо улыбнулась, и ее призрачные глаза превратились в полумесяцы.

Она ничуть не чувствовала вины. Если позволить этому безумному императору и ревливой императрице продолжать в том же духе, страна погрузится в хаос. А раз она здесь, то сможет заодно накопить немного заслуг. Да, вы не ослышались — она, демоница, копила заслуги. А что делать? Не пропадать же добру? К тому же заслуги укрепляли удачу. Она подозревала, что выжила и связалась с системой именно благодаря накопленной удаче.

— Хорошие дела приносят хорошие плоды! — сказала Ван Яо Ван Цзяну. — Она императрица, ее удача высока. К тому же ее муж — нынешний император, один из признанных сыновей удачи. А ее младший сын — будущий сын удачи. Выбор идеален, чтобы сеять хаос в их планах.

Самое главное — император давно перестал посещать ее покои, ее статус был настолько высок, что никто не смел ей перечить, и ей не нужно было прислуживать этому выжившему из ума старику. А император, из-за своих дурных поступков, растрачивал удачу, как воду из дырявого ведра — Ван Цзян легко сможет ее поглощать, и никто не заметит.

— Решено! — Ван Цзян с радостью согласился мешать сыну удачи.

В момент, когда ее душа сокрушила остатки души императрицы, Ван Яо услышала тихий звук, похожий на разрываемую ткань. Душа, цеплявшаяся за заколку, была слаба. Остатки обиды хлынули в сознание: вкус яда, радость от возведения сына в статус наследника, запах сырой земли под ногтями при ночных захоронениях... Ван Яо безжалостно стерла эти осколки.

— Пф, — фыркнул Ван Цзян в море сознания. — С такими способностями губить столько людей... Она что, ада не боялась?

Ван Яо промолчала, чувствуя, как ощущения возвращаются: холод металла, тепло лисьего меха, приторный аромат благовоний. Она моргнула — отражение в зеркале моргнуло в ответ. Коснувшись щеки, она почувствовала не призрачную пустоту, а живую кожу, гладкую от кремов.

— По сравнению с ударом молнии при прохождении скорби — это как щекотка, — Ван Яо растянула губы в улыбке.

Тело было в отличном состоянии, хотя из-за постоянного напряжения мышцы лица казались слегка застывшими, отчего улыбка выглядела пугающе.